

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.07

**ОБЩИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕТАФОРЫ
И МЕТАФОРА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**Курдюмов Владимир Анатольевич¹,Семенова Любовь Александровна²^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия¹ vkplans@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1810-4508>,² SemenovaLA@mgpu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса метафоризации. Рассматриваются основные концепции метафоры на материале европейских и китайского языков. Демонстрируются особенности метафоризации в китайском языке в рамках представлений об уровнях языка предикационной концепции, наличие/отсутствие банальной метафоры рассматривается как одна из составляющих типологического облика языка.

Ключевые слова: метафора, предикационная концепция языка, топик, комментариев, банальная метафора.

Для цитирования: Курдюмов, В. А., Семенова, Л. А. (2022). Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 90–98. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.07

Original article

UDC 81'373.612.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.07

**BASIC CONCEPTS OF METAPHOR
AND METAPHOR IN CHINESE**Vladimir A. Kurdyumov¹,Liubov A. Semenova²^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia¹ vkplans@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1810-4508>,² SemenovaLA@mgpu.ru

Abstract. The paper presents the analysis of the metaphORIZATION process. The study considers process of studying this issue and the basic concepts of metaphor based on the material of European and Chinese languages. The features of metaphORIZATION in the Chinese language

in the framework of the language levels theory are demonstrated, as well as the reasons for the absence of a banal (erased) metaphor from the standpoint of the predicational conception of language.

Keywords: metaphor, predicational conception of language, topic, commentary, banal metaphor.

For citation: Kurdyumov, V. A., Semenova, L. A. (2022). Basic concepts of metaphor and metaphor in Chinese. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 90–98 . DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.07

Постановка проблемы

Несмотря на популярность темы в современных исследованиях мы вынуждены отметить, что большинство из них базируется на представлениях, связанных с флективными европейскими языками, даже если анализируется китайский языковой материал. Специфика типологии китайского языка не принимается во внимание, акценты зачастую расставляются так же, как это делается применительно к русскому, английскому и другим языкам. В основном цитируется известный труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1], но именно те положения, которые могли бы использоваться для анализа изолирующих топиковых языков, остаются незамеченными, это касается и диссертаций, создаваемых в России аспирантами — носителями китайского [2; 3], которые, как правило, являются русистами и пребывают в рамках стереотипов достаточно специфичной отрасли языкознания, где в центре находится русский язык. Русский, английский и другие индоевропейские языки являются флективными с разной степенью аналитизации, а также (в литературной форме) языками с выдвижением подлежащего [4], в то время как китайский и подобные языки Юго-Восточной Азии изолирующие, с выдвижением топика. С нашей точки зрения, степень выраженности метафоры в разных стилях того или иного языка является одной из составляющих типологического облика языка.

Когда Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что мы не замечаем метафор в повседневной речи, оттого ошибочно полагаем, что в обычной жизни прекрасно обходимся без них [1], то речь идет лишь об одном, но очень важном типе метафор, уместность/неуместность которого и формирует типологическую составляющую. Метафоризацию китайского языка обычно принято рассматривать с позиции когнитивной лингвистики.

Методология исследования

В качестве методологической основы исследования использованы положения предикационной концепции языка (интерпретация понятий топика и комментария применительно к китайскому языку в рамках структурно-динамического подхода). В исследовании были использованы историко-генетический

и историко-сравнительный методы для анализа научной литературы, раскрытия основных принципов метафоризации языка и этапов изучения метафоры.

Результаты исследования

Понятие метафоры известно со времен Античности: Аристотель, который выделял метафору как элемент поэтики, предложил свою классификацию метафор и их толкование: «метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [5, с. 109]. Последний тип выделяется среди прочих и самим Аристотелем, а в риторике и вовсе признается единственным вариантом метафоры, в то время как остальные принято называть семантическим стяжением, метонимией или синекдохой (то есть, они являются самостоятельными тропами, хотя с точки зрения лингвистики их тоже можно отнести к метафоре). Метафора является естественной для языка: если сходство между предметами уловить легко, метафора органично вписывается в язык, в противном случае язык ее не принимает. То же самое можно найти в высказываниях других античных авторов: хорошая метафора утверждается в языке, заменяя буквальное обозначение.

В период Античности были заложены основы теории метафоры: философы давали описание, классификации, выделяли отличия от других средств речевой выразительности. В то же время метафора, несмотря на зачастую четко очерченные границы, легко перетекала в другие тропы, и полученные толкования в дальнейшем вызвали бурные дискуссии. Стоит также отметить, что лишь спустя столетия метафору перестали рассматривать как исключительно поэтический прием.

В XX в. появляются новые подходы к изучению метафоры, о ней говорят как о неотъемлемой принадлежности языка, которая необходима для коммуникативных, номинативных и познавательных целей [6]. Метафору начинают рассматривать не только как украшение речи, но и как мыслительный механизм. Также возникает противопоставление поэтической (авторской) метафоры и языковой (лингвистической, общеупотребительной и пр.). Впервые эту мысль высказал Ш. Балли, он же был одним из первооткрывателей всеобщей метафоричности языка [7]. В американской когнитивистике данная идея была реализована в трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1], которые отмечали, что для большинства людей метафора по-прежнему представляется поэтическим «инструментом риторических излишеств», а не частью повседневного языка, в то время как метафоры встречаются в нашей речи намного чаще, чем принято думать. В своей книге они ввели термин когнитивной или концептуальной метафоры, под которой понимались объединения доноров и реципиентов метафоры: любовь — это путешествие, время — движущийся объект и т. д. Дж. Лакофф и М. Джонсон [1] также упоминали изолированные метафоры,

которые не входят в сформированные объединения и в то же время не являются поэтическими метафорами (кочан (голова) капусты, подножие гор). Именно они прочно укоренились в языке и совершенно не воспринимаются как украшение речи. В русскоязычной литературе такую метафору обычно называют стертой.

На развитие учения о метафоре также оказала влияние дискурсивная лингвистика. Пытаясь обнаружить систему в организации единиц языка в тексте, лингвисты подняли метафору на более высокий уровень языка. П. Рикер [8], один из тех, кому удалось развенчать миф о том, что метафорой является исключительно слово, определил следующее направление исследований: метафоры языка – метафоры дискурса – герменевтика метафорического текста. П. Рикер утверждал, что метафора рождается не только из отдельных слов, но и из фраз, точнее, из конфликта, который рождается благодаря соединению слов в фразе («Время — это нищий», Шекспир), поэтому необходимо обращаться к единицам более высокого уровня — к дискурсам [9; 10]. По причине контекстуальности метафоры дискурс ее поясняет, и эту связь сложно разорвать, в то же время практически всегда можно восстановить исходное содержание, путь, который был проделан, чтобы метафору создать.

В России в основе исследований лежит языковая метафора, которая является отдельным проявлением когнитивной метафоры. Она стихийна и закономерна, является естественным продуктом языка. Ей мы обязаны метафоричностью повседневной речи (кричащие цвета, безвкусная одежда). Это своего рода клише, которое мы воспроизводим, не задумываясь, которое не нужно каждый раз выстраивать. Отношения между двумя типами метафоры, языковой и поэтической, до сих пор вызывают вопросы в научных кругах, их противопоставляют и рассматривают в единстве. В любом случае их специфика признается, они имеют различия на семантическом, коммуникативном, логическом и гносеологическом уровнях [7]. Основными направлениями изучения языковой метафоры можно считать следующие: номинативно-предметное, формально-логическое, психологическое и лингвистическое.

Формальные определения метафоры в большинстве остаются описательными либо иносказательными. Принято выделять исходную область (лексема или фраза), откуда мы извлекаем метафору, и целевую область — область применения метафоры, также известных как донор и реципиент. Даже эти термины описательны и метафоричны. В самом простом понимании между ними находится промежуточное понятие, общее для обоих, однако большинство исследователей сходятся в том, что подобное трехчленное объяснение связи исходной и целевой областей не отражает реального положения дел. Метафору следует трактовать как замещение ситуации с денотатом А ситуацией с денотатом Б по каким-то дискурсивным или контекстуальным признакам. Цель подобного замещения заключается в обходе сигнификации, поскольку денотат Б по какому-то признаку является именно тем, к которому должен бы

прийти размышляющий (и адресант, и адресат; адресант предлагает эту «загадку» адресату), по этапам (вос-)создавая текст-сигнификат. Метафора способствует более краткой передаче данных от адресанта к адресату, минуя долгие описания. Связь между денотатами прослеживается на интуитивном уровне. Метафора помогает лучше понять абстрактные понятия, приближая их к материальным объектам. «Перепрыгнуть» значительный участок порождения-восприятия и перенестись (мыслящему) читателю от образа частного к образу сущностному. Следовательно, метафора не просто «замещение одного понятия или предмета средствами другого» (таких определений много, то же формально можно сказать и о знаке), а элемент/средство — фильтрации/концентрации бытия, ухода от обыденного языка к экзистенции, сущностности. Если условно разделить функцию языка на три ступени (регулятивная – когнитивная – экзистенциальная) [9], то метафора становится универсальным и мгновенным, моментальным, не извилистым средством прорыва от обыденной регуляции к познанию и выше, при этом опирающимся на визуализацию и денотативность. Другими словами, мы можем сравнивать и долго, логично объяснять, подходя к объяснению явления, а можем предложить метафору, отменяющую избыточную потребность в длительных спекуляциях. Возвращаясь к терминам о компонентах метафоры, доноре и реципиенте, нетрудно заметить, что уже по метафоричным пояснениям можно понять, о чем идет речь. Их использование намного сокращает время объяснения, однако представляет собой подобие загадки. Таким образом, исходные области обычно представляют собой предметы и понятия, более близкие и понятные адресанту и адресату, а целевые области — это идеи, нематериальные и абстрактные понятия, которые требуют объяснения или уточнения.

Изучение метафоры в китайском языке имеет долгую историю, однако основное внимание уделялось именно поэтической, авторской метафоре. Еще в предисловии к «Книге песен» были выделены три языковых средства: 賦 фу, 比 би и 興 син, понимание которых менялось с течением времени. Из них наиболее близким аналогом метафоры можно назвать син, аллегорический зачин, который в иносказательной форме поясняет, о чем пойдет речь в песне. В стилистике метафора считалась частью сравнения 比喻, где выделялись 隐喻 иньюй и 借喻 цзеюй. Иньюй можно определить по ряду маркеров, таких как 是 (быть, являться), 就是, 成, 等於 и другие: 我說藍臉就是一頭驢 (莫言. 生死疲勞). — *Говорю же, Лань Лянь — это упрямый осел* (перевод мой. — Л. С.). Цзеюй не имеет формальных признаков, по которым ее можно вычленил в тексте: 我熱淚盈眶, 但眼淚很快被無名的怒火燒乾 (莫言. 生死疲勞). — *В глазах стояли слезы, но под непонятно откуда взявшимся пламенем гнева мгновенно высохали* (перевод И. Егорова).

После публикации книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона в Китае стали появляться первые труды по когнитивной метафоре. В науке, как и во многих других сферах, китайцы придерживаются принципа 他山之石可以攻玉

камень с другой горы, который можно использовать для полировки яшмы. Эту поговорку можно трактовать как «заимствовать лучшее извне для развития национальной науки». Когнитивное направление в изучении метафоры китайцы признали наиболее перспективным, поэтому количество трудов, посвященных данной проблеме, растет с каждым годом. Предложены классификации типов метафор и в рамках когнитивной лингвистики описана ее роль в концептуализации мира. При этом на материале китайского языка исследовалась метафоризация преимущественно политического и экономического дискурса. Далее метафора в китайском языке рассматривается с позиции предикационной концепции языка.

Согласно синтаксической классификации [4; 11], китайский язык относится к языкам с выдвиганием топики, а в русском языке ярко выражено подлежащее. Это подразумевает, что типичный носитель языка в типичной ситуации выберет именно данную структуру.

Европейские, отечественные и китайские исследователи часто ссылались на подлежащее и сказуемое, между которыми обязательны отношения согласования и тесная семантическая спаянность, в то время как высказывание с выраженной топиковой структурой требует четкой границы между топиком (то, о чем говорится) и комментарием (что говорится), и эти части между собой не согласованы [12].

六樓 | 到了。Шестой этаж | достигли.

中國 | 我還沒去過。(В) Китай | я еще не ездил.

Для предложений с выдвиганием подлежащего подобная структура возможна при спонтанной или экспрессивной речи, когда носители используют так называемую инверсию или даже полностью игнорируют морфологическое согласование частей предложения. Однако типичное предложение в таких языках обычно имитирует деятеля и действие (*Дождь идет. Книга лежит. Чашка стоит*), что соответствует «лингвистической» метафоре у Лакоффа и Джонсона, которую мы предпочитаем именовать «банальной», т. е. не маркируемой носителями языка, повседневной и обыденной. Такие лексические единицы (в нашем случае в основном глаголы) иногда называют «пустыми» или «служебными», хотя «пустота» проявляется лишь в контексте при словарной однозначности таких единиц. Это относится к следующим предложениям, где предмет уподобляется живому существу: *За окном стоит хорошая погода. Телефон лежит в сумке. Книга находится на столе.* При переводе на китайский (外面天氣不錯; 手機在包里。書在桌子上。) «действие», естественно, исключается. Подобная «одушевленность» представляет собой типичную сложность при изучении русского языка носителями китайского, где ни от чего по максимуму не может исходить действия, включая высказывания типа «Чашка упала» или «Чашка разбилась» (茶碗掉下去: формально, структура соответствует русской фразе, однако для китайца это не действие, а описание того, в какой ситуации или в каком состоянии чашка

находится). К примеру, если мы переводим на китайский русское предложение *Время бежит быстро*, то эквивалент 時間過得很快 носители русского языка, изучающие китайский, обычно ошибочно считают равнозначным, в то время как в этой фразе не «от времени исходит действие», а со временем «происходит нечто», время не является ни актором, ни субъектом, части предложения (а это «слабый» уровень в китайском языке) разделены [13]. Такого рода разница между структурой русского и китайского предложения, наличие и отсутствие «пустого» глагола представляют сложность не только для носителей китайского языка, изучающих русский как иностранный, но и для русскоязычных студентов, изучающих китайский. Носители русского языка настолько привыкли к банальной метафоре в родном языке, что иногда непроизвольно переносят знакомые конструкции на иностранный язык, забывая, что при переводе эквивалентность нижнего уровня (в данном случае лексического) может игнорироваться в пользу следующих уровней (синтаксического и прагматического) [14].

Банальная метафора абсолютно не характерна для повседневной китайской речи, на уровне синтаксиса вне художественной речи (где она естественна) ее нет. Метафоричность китайского языка более проявляется на уровне лексем, которые строятся не по принципам «европейского» словообразования, а на основе микросинтаксиса: копирования синтаксических моделей (что входит в программу наших исследований). Таким образом, топиговая синтаксическая типология определяет характер и пропорции выраженности метафоры в китайском языке, что является одним из частных типологических признаков.

Список источников

1. Лакофф, Дж. (2004). *Метафоры, которыми мы живем* (под ред. и с предисл. А. Н. Баранова; пер. с англ.). Едиториал УРСС.
2. Фэн, Юэ. (2021). *Метафора персонификации в русской и китайской лингвокультурах как отражение национальной специфики языковой картины мира (на материале народных сказок)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. МГЛУ].
3. Чанг, Д. Ч. (2016). *Метафоризация в художественном тексте (на материале произведений М. Булгакова и их переводов на китайский язык)* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19].
4. Li, Ch. N., Thompson, S. A. (1976). Subject and Topic: A New Typology of Language. Charles N. Li (ed.). *Subject and Topic*. Academic Press, 483–485.
5. Аристотель. (1956). *Об искусстве поэзии* (под ред. Ф. А. Петровского; пер. с древнегреч. В. Г. Аппельрод). Гослитиздат.
6. Арутюнова, Н. Д. (1990). Метафора и дискурс. *Теория метафоры* (под ред. М. А. Журиной). Прогресс, 5–32.
7. Скляревская, Г. Н. (1993). *Метафора в системе языка*. Наука.
8. Рикер, П. (1995). *Герменевтика. Этика. Политика*. КАМІ.
9. Курдюмов, В. А. (1999). *Идея и форма. Основы предикационной концепции языка*. Воен. ун-т.

10. Гнилорыбов, С. А. (2005). *Структурные детерминанты и категории дискурса в свете представлений о динамической природе языка (на материале системы документов ООН)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук].
11. Chao, Y. R. (1968). *A Grammar of Spoken Chinese*. Univ. of California Press.
12. Коцик, К. Э. (2016). Европейская система понятий и реалии китайского языка. *Язык и культура (Новосибирск)*, 25, 143–148.
13. Курдюмов, В. А. (2016). Иерархия языковых уровней как ценность для русского и китайского языкового сознания и типологических исследований. *Гуманитарные ценности в славянских языках и культурах: сб. науч. тр. (под ред. О. Н. Лагута, А. В. Савченко)*. Тайбэй, 265–281.
14. Сулейманова, О. А., Беклемешева, Н. Н., Карданова, К. С. и др. (2012). *Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высшего профессионального образования*. 2-е изд., испр. Академия.

References

1. Lakoff, Dzh. (2004). *Metaforý, kotory`mi my` zhivem* (A. N. Baranova (Ed.); per. s angl.). Editorial URSS. (In Russ.).
2. Fen, Yue. (2021). *Metafora personifikacii v russkoj i kitajskoj lingvokul`turax kak otrazhenie nacional`noj specifiki yazy`kovej kartiny` mira (na materiale narodny`x skazok)*. [Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. MGLU]. (In Russ.).
3. Chang, D. Ch. (2016). *Metaforizaciya v xudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij M. Bulgakova i ix perevodov na kitajskij yazy`k)* [Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19]. (In Russ.).
4. Li, Ch. N., Thompson, S. A. (1976). *Subject and Topic: A New Typology of Language*. Charles N. Li (Ed.). Academic Press, 483–485.
5. Aristotel. (1956). *Ob iskusstve poe`zii* (pod red. F. A. Petrovskij; per. s drevnegrech. V. G. Appel`rod). Goslitizdat. (In Russ.).
6. Arutyunova, N. D. (1990). *Metafora i diskurs. Teoriya metaforý`*. M. A. Zhurinskaja (Ed.). Progress, 5–32. (In Russ.).
7. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme yazy`ka*. Nauka. (In Russ.).
8. Rikyor, P. (1995). *Germenevtika. E`tika. Politika*. KAMI. (In Russ.).
9. Kurdyumov, V. A. (1999). *Ideya i forma. Osnovy` predikacionnoj koncepcii yazy`ka*. Voen. un-t. (In Russ.).
10. Gnilorybov, S. A. (2005). *Strukturny`e determinanty` i kategorii diskursa v svete predstavlenij o dinamicheskoj prirode yazy`ka (na materiale sistemy` dokumentov ООН)* [Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. (In Russ.).
11. Chao, Y. R. (1968). *A Grammar of Spoken Chinese*. Univ. of California Press.
12. Kocik, K. E. (2016). Evropejskaya sistema ponyatij i realii kitajskogo yazy`ka. *Yazy`k i kul`tura (Novosibirsk)*, 25, 143–148. (In Russ.).
13. Kurdyumov, V. A. (2016). Ierarxiya yazy`kovy`x urovnej kak cennost` dlya russkogo i kitajskogo yazy`kovogo soznaniya i tipologicheskix issledovanij. *Gumanitarny`e cennosti v slavyanskix yazy`kax i kul`turax: sb. nauch. tr.* In O. N. Laguta, A. V. Savchenko (Eds.). Tajbe`j, 265–281. (In Russ.).
14. Sulejmanova, O. A., Beklemesheva, N. N., Kardanova, K. S. i dr. (2012). *Grammaticheskie aspekty` perevoda: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenij vy`sshego professional`nogo obrazovaniya*. 2-е изд., испр. Академия. (In Russ.).

Информация об авторах

Владимир Анатольевич Курдюмов — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Любовь Александровна Семенова — аспирант кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Vladimir A. Kurdyumov — Doctor of Philology, Full Professor, Professor, Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Lubov A. Semenova — postgraduate of Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов:

Владимир Анатольевич Курдюмов — научное руководство; концепция исследования; доработка текста; разъяснение отдельных тезисов, фундаментальных положений, итоговые выводы.

Любовь Александровна Семенова — написание исходного текста; итоговые выводы; оформление текста.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Vladimir A. Kurdyumov — scientific management; research concept; follow-on revision of the text; interpretation of special terms, fundamental theses; final conclusions.

Lubov A. Semenova — writing the draft; final conclusions; text formatting.

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.